

М. С. Гордеева

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ФЛЕКСИИ -а(-я) В ФОРМАХ ИМЕНИТЕЛЬНОГО МНОЖЕСТВЕННОГО ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ МУЖСКОГО РОДА

Довольно часто приходится наблюдать затруднения, которые испытывают люди, хорошо владеющие литературным языком, и даже лингвисты, при образовании форм именительного падежа множественного числа от имен существительных мужского рода. Каждый из нас неоднократно слышал, как произносят **выборá, шоферá, тортá, бухгалтерá** и т. п. вместо предлагаемых словарями **вы́боры, шофе́ры, то́рты, бухгалте́ры** и т. п. Как квалифицировать подобное употребление? Чаще всего оно рассматривается как безграмотная или, в лучшем случае, малограмотная речь. До недавнего времени формы типа **шоферá, штурманá** расценивались как грамматические ошибки и вызывали недоумение, если попадались в речи интеллигентного человека. Но действительно ли указанные формы настолько противоречат нормам русского литературного языка, что мы должны с пренебрежением относиться к ним и изгонять из нашей речи? Наблюдения показывают, что необходим очень осторожный подход к подобным фактам языка¹.

Иногда их употребление в такой степени устойчиво в

¹ Ю. А. Бельчиков в своей очень интересной статье «О нормах литературной речи» замечает, что «наблюдаются такие отклонения от норм литературной речи, которые не входят в противоречие со структурными особенностями языка, а являются вариантами или параллельными способами выражения по отношению к литературному языку. Против таких нарушений литературной нормы не всегда можно возражать категорически (разрядка наша. — М. Г.)» См. указ. статью в сб. «Вопросы культуры речи», вып. 6, М., 1965, стр. 13.

широком кругу носителей русского языка, что составители словарей и справочников вынуждены снимать запрет на ту или иную форму и фиксировать как допустимую, правда, вначале в определенном стиле (чаще всего разговорном). Поучительна в этом отношении история формы *шоферá*, недавно числившаяся как недопустимая, «запрещенная»². Сейчас же во 2-м издании словаря-справочника «Правильность русской речи» (состав. Л. П. Крысин, Л. И. Скворцов, под ред. С. И. Ожегова) эта форма дана как разговорная³. Избавились от «табу» и некоторые другие формы: *договорá*, *редакторá* и подобные.

Наблюдения над живой речью представителей различных слоев нашего общества, а также анализ словарей русского языка показывают, что здесь много неустановившегося, противоречивого⁴, что требует, как говорил акад. С. П. Обнорский, «литературной нормализации».

Различного рода колебания, отступления от литературных норм в употреблении форм на -ы (-и), -а (-я) — явление сложное и глубокое. Еще в 40-х годах С. П. Обнорский, определяя основные направления нормализации русской речи, указывал на остроту вопроса «Об окончании известных рядов существительных мужского рода в именительном падеже множ. числа -ы без ударения или -а под ударением» и на необходимость литературной нормализации

² В некоторых работах эта форма и до сего времени рассматривается как совершенно недопустимая в литературной речи. См., например, статью В. Л. Воронцовой «Русское литературное ударение», сб. «Наша речь», под ред. С. И. Ожегова и В. П. Григорьева, изд. «Знание», М., 1965, стр. 27. Менее категоричен Д. Э. Розенталь, предлагающий «избегать разговорных, просторечных или профессиональных форм типа *молодые инженерá*, *опытные бухгалтерá*, *требуются шоферá*, *заключены договорá*, *проводятся выборá*, *новые тракторá*, *наши лекторá*, *заводские цехá*» лишь в печати. См. его работу «Культура речи», изд. Москов. ун-вер., 1959, стр. 34.

³ «В своих рекомендациях словарь стремится характеризовать современное состояние литературной нормы, исходить из анализа современных взаимоотношений, сложившихся в национальном языке» (С. И. Ожегов. От редактора, «Правильность русской речи», 1965, стр. 5).

⁴ Характерно, что сб. «Наша речь» со статьей В. Л. Воронцовой и словарь-справочник «Правильность русской речи», в которых высказываются противоположные мнения относительно некоторых форм, вышли в одном и том же году под редакцией одного и того же лица — проф. С. И. Ожегова.

тих двойственных форм⁵. С. П. Обнорский писал, что пестрота в употреблении указанных форм объясняется мощным влиянием профессиональной речи и разговорно-просторечного языка, где форма на -а (-я) получила особенную стабильность.

Сопоставляя данные современных словарей и справочников с фактическим материалом, представленным акад. С. П. Обнорским в его статьях по культуре речи⁶, нетрудно обнаружить серьезные изменения в употреблении интересующих нас форм. Результаты сопоставления свидетельствуют о значительной демократизации: те формы, которые 20 лет тому назад находились в сфере профессионального или просторечного стиля, т. е. считались неприемлемыми, сейчас приобрели права литературного гражданства. Это относится к таким формам, как *крейсера́, катера́, прожектора́, сектора́ флигеля́, шомполá, штепсельá* и многие другие. Это — свидетельство укрепления тенденции к распространению флексии -а (-я). Результаты сопоставления являются замечательной иллюстрацией к высказыванию проф. С. И. Ожегова, сделанному им во вступительной статье словаря-справочника «Правильность русской речи» (2-е изд.): «В понятие культуры речи, языковой нормы каждая историческая эпоха вносит свое содержание. К современному русскому литературному языку, к оценке его норм и стилистических категорий нельзя подходить с позиций тех оценок, которые существовали в 30-х годах и которые наиболее полно были отражены в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова»⁷.

Однако отмеченные в свое время пестрота и необычайная прихотливость в употреблении дублетных форм на -ы (-и), -а (-я)⁸ не устранены до сего времени. Как и прежде, она обусловлена интенсивным процессом образования форм на -а (-я) в профессиональной речи и просторечии.

Профессиональная речь до сих пор остается источником пополнения общелитературного языка формами на -а (-я). Например, из принадлежавших ранее профессиональной ре-

⁵ См. его статью «Правильности и неправильности современного русского языка». — «Избранные работы по русскому языку», М., 1960, стр. 259.

⁶ См. указ. соч., а также ст. «Культура русского языка», там же, стр. 289—290.

⁷ Указ. соч., стр. 4.

⁸ См.: С. П. Обнорский. Указ. сочинения; С. И. Ожегов. «Очередные вопросы культуры речи», сб. «Вопросы культуры речи»; вып. I, М., 1955, стр. 26.

чи стали общеупотребительными такие, как *буера́, фельдше́ра, шкипера́, штепселя́, штурмана́* и др. Влияние их настолько велико, что они проникают в научную, сугубо книжную терминологию. Иногда приходится наблюдать в речи специалистов (ученых, преподавателей вузов) параллельные формы типа *тэнзоры* и *тензора́, векторы* и *вектора́, реперы* и *репера́*, хотя формы на *-а* пока не узаконены нашей грамматикой.

Немалое количество форм с окончанием *-а (-я)* поступает в литературный язык из просторечия. Здесь колебания особенно значительны. Анализ словарей свидетельствует о том, что просторечными были такие формы: *ветра́, редактора́, сектора́, трактора́* (см. Словарь под ред. Д. Н. Ушакова) и др. Просторечие особенно богато образованиями *ς -а (-я)*. До сих пор чрезвычайно стойки формы, давно просящие в литературный язык, но так и не проникшие в него: *бухгалтера́, вентиля́, выбора́⁹, выговора́, джемпера́, лектора́, месяца́, рода́ (войск), свитера́, торта́* и др.¹⁰

Флексия *-а (-я)* подчиняет своему влиянию все новые и новые группы имен существительных, нарушая иногда общие нормы образования формы именительного множественного. Например, не выдерживается общее грамматическое условие, регулирующее образование в современном русском языке форм на *-а*: отсутствие ударяемости в слове на конеч-

⁹ См. интересное высказывание Ю. А. Бельчикова относительно перспектив развития формы *выбора́*. По его мнению, эта форма принципиально возможна в литературном языке. «Если в дальнейшем разовьется семантическая соотносительность слов *выборы — выбор* (как у слов *красота — красоты* или *вечер — вечера́*), то, возможно, что форма *выбора́* станет приемлемой». Указ. соч., стр. 14.

¹⁰ Любопытные сведения в отношении движения форм на *-а* приводятся С. И. Ожеговым в статье «Очередные вопросы культуры речи»: «Многие слова, приобретающая это окончание, в дальнейшем его не сохранили и возвращались к старому. Взамен появились новые серии слов с окончанием *-а*. В 70-х годах XIX в. говорили: *гетмана́, лектора́, маклера́, рупора́, ... вахтера́* и т. п. Ныне все эти слова в именительном падеже множественного числа имеют окончания *-ы, -и*. Взамен их появляются в разговорной речи: *выбора́, выхода́, супа́, торта́* и т. д. Нормализаторская практика радиовещания, стремясь к «правильным» формам, отвергает давно установившиеся формы: *тенора́, токаря́, слесаря́* и т. п., заменяет их формами *тэноры, токарн, слесари*. Указ. соч., стр. 26. См. также исследование «Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного в русском литературном языке XIX века», издат. «Наука», М., 1964, стр. 206—222. Характерно, что некоторые из современных просторечных и профессиональных форм (*бухгалтера́, вахтера́, почерка́* и др.) зарегистрированы в XIX в. как нормативные. Указ. соч., стр. 220—221.

ном слоге¹¹. Этому усилению противоречат формы **договорá**, **политонá**, **шоферá**, категорически не отвергаемые литературной нормой.

Небезынтересно проследить показания различных словарей¹². Обнаруживаются существенные расхождения. Приведем лишь некоторые из них. Формы **буерá**, **кучерá** даются Словарем АН СССР, «Орфографическим словарем» и словарем-справочником «Русское литературное произношение и ударение», в остальных словарях они отсутствуют. Форма **бункерá** не фиксируется Словарем АН СССР, ее отмечают «Словарь современного русского литературного языка», «Орфографический словарь», «Русское литературное произношение и ударение». Существительное **инспектор** в Словаре АН СССР образует именительный множественного без отступлений от норм, т. е. с окончанием **-ы**, тогда как в «Орфографическом словаре» и словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» указывается форма **инспекторá**. Неодинаковы показания словарей и относительно именительного множественного от слова **фельдшер**. Словарь-справочник «Правильность русской речи» регистрирует лишь форму **фельдшерá**, словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» дает форму **фельдшерá**, а форму с флексией **-ы** считает устаревшей. Однако словарь АН СССР и «Орфографический словарь» фиксируют только форму **фельдшеры**¹³.

Непоследовательность проявляется также внутри одного и того же словаря. Так, «Орфографический словарь», предлагающая форму на **-а** для существительного **инспектор**, в то же время слово **инструктор** подает с флексией **-ы**, хотя трудно найти какие-либо отличия между ними. Некоторые противо-

¹¹ С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 260.

¹² В статье используются материалы следующих словарей: «Словарь современного русского литературного языка», «Словарь русского языка» АН СССР, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (3 изд.), «Словарь языка Пушкина», «Орфографический словарь русского языка» под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро; «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова; «Правильность русской речи. Словарь-справочник» Л. П. Крыгина, Л. И. Скворцова, под ред. С. И. Ожегова.

¹³ О других расхождениях см.: Р. Р. Гельгардт. Нормативный «Словарь русского языка» как пособие по культуре речи, РЯШ, 1959, № 6, стр. 101.

речия можно отметить и во 2-м изд. словаря-справочника «Правильность русской речи». Узаконивая формы шофера́, соуса́ как разговорные и профессиональные, составители словаря неправоммерно отвергают формы торта́, супа́. Ср. также штурманá, редакторá, корректорá, но «не тренерá!», «не бухгалтерá!», «не лекторá!».

Противоречивые показания словарей русского языка дают возможность проследить историю движения дублетных форм. Сопоставление материалов словарей свидетельствует об унификации форм на -ы и -а, об установлении господства флексии -а в следующих словах: адрес, буер, директор, доктор, дупель, желоб, закрóm, катер, клин, ком, кучер, невод, отпуск, постав, штемпель, штепсель, штуцер, шулер, якорь¹⁴ и др. Не без оснований авторы словаря-справочника «Правильность русской речи» отмечают победу форм корректорá, редакторá, токоря́, тополя́, фельдшерá, флигеля́, тогда как в других словарях они представлены или как просторечные (редакторá), или как разговорные (токаря́, корректорá), или как эквивалентные варианты форм на -ы (-и) (тополя́, флигеля́).

Сложность и противоречивость в употреблении параллельных форм именительного множественного существительных мужского рода мы объясняем взаимодействием двух аналогичных процессов — унификации и дифференциации. Как только возникают дублетные формы, язык стремится полезно использовать их в различных планах: для дифференциации значений или для стилистической характеристики. Если же формы не разграничены ни по значению, ни по стилю употребления, они унифицируются и одна из форм отмирает, как избыточная¹⁵.

В результате действия процессов унификации и дифференциации, являющихся реализацией закона аналогии¹⁶, в современном русском литературном языке сложилось следующее соотношение форм на -ы (-и), -а (-я):

¹⁴ Лишь в «Словаре современного русского литературного языка» или «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова приводятся параллельные формы с флексией -ы (-и) от этих слов.

¹⁵ Подробнее этот вопрос рассматривается в нашей статье «Расщепление форм именительного множественного имен существительных мужского рода» (см. сб. «Краткие очерки по русскому языку», вып. 2, Курск, 1966).

¹⁶ В. Н. Перетрухин. Аналогия как общий внутренний закон развития языка. — Сб. «Краткие очерки по русскому языку», Воорнеж, 1964.

1. Наличие одой из форм

только с -ы (-и)

шторы, архитекторы, боцманы, вахтеры, выборы, выгоноры, гербы, госпитали, жемперы, инженеры, лацканы, лекторы, маляры, мичманы, офицеры, плинтусы, порты, примусы, рапорты, роды (войск), свитеры, слон, снайперы, столяры, спектры, тренеры, фитили, фронты, штормы и др.

только с -а (-я) и -ья

берега, бока, борта, братья, буфера, веера, вензеля, вертела, вечера, глаза, голоса, города, жемчуга, жернова кивера, колокола, колосья, комбикорма, край, кумовья, купола, леера, логá, лубья, лугá, мастера, номера, ободья, обшлага, окорока, острова, откупа, отрубá, паруса, паспортá, перепелá, писаря, повара, погребá, поезда, рукава, снега, сторожа, стулья, тенора, терема, тетерева, холода, хутора, черепа, шофера, шелка, шенкеля.

2. Наличие дублетных форм, дифференцированных по стилю

Общепотребительные

Устаревшие

векá
вексельá
домá
коробá
кормá
корректорá
округá
приставá
профессорá
рогá
стогá
сортá
томá
тополá
флигельá

вѣки
вѣксели
дѣбмы
кѣробы
кѣрмы
коррѣкторы
бкруги
прѣставы
профѣссоры
рѣги
стѣги
сѣрты
тѣмы
тѣполи
флѣгели

Учитывая приведенное выше высказывание С. И. Ожегова о том, что к оценке норм русского языка нужно подходить

с современных позиций, считаем возможным квалифицировать как устаревшие те формы на -ы, -и, которые зафиксированы или Словарем под ред. Д. Н. Ушакова, или «Словарем современного русского литературного языка», а в остальных словарях отсутствуют:

Общеупотребительные

адреса́
буера́
директора́
доктора́
дупеля́
желоба́
закрома́
катера́
клинья́
ко́мья
кучера́
невода́
отпуска́
постава́
хлева́
штемпеля́
штепеля́
штуцера́
шулера́
якоря́

Устаревшие

а́дресы
бу́еры
ди́ректоры
до́кторы
ду́пели
же́лобы
за́кромы
ка́теры
клины́
ко́мы
ку́черы
не́воды
о́тпуски
поста́вы
хле́вы
ште́мпели
ште́пели
шту́церы
шу́леры
я́кори

Общеупотребительные

слесаря́
сыновья́
токаря́

Книжные

слёсари
сыны́
то́кари

Общеупотребительные

ве́тры
догово́ры
опёнки
ру́мпели
ру́поры
та́бели
шофе́ры
угли

Разговорные

ветра́
договора́
опята́
румпе́ля
рупора́
табеля́
шофера́
уго́лья

Общеупотребительные	Просторечные	Общеупотребительные	Профессиональные
бухгалтеры	бухгалтерá	клапаны	клапанá
волосы	волосá	почерки	почеркá
лоцманы	лоцманá	прессы	прессá
месяцы	месяцá	соусы	соусá
профили	профильá		

3. Наличие недифференцированных форм:

Бункеры и бункерá, возы и возá, волокни и волокá, вороха и ворохи, гóды и годá, грифели и грифельá, гробы и гробá, егеря и егери, инспекторá и инспекторы, инструкторы и инструкторá, кители и кителя, клóчья и клоки¹⁷, колеры и колерá, крейсера и крейсерá, копылы и конылыá, крендели и кренделя, лéкари и лекаря, лоскуты и лоскутыá¹⁷, óводы и оводá, пекаря и пéкари, полутóны и полутонá, прожéкторы и прожекторá, пудели и пуделя, сéкторы и секторá, сучья и сукй, тракторы и тракторá, трéнзели и трензеля, трисели и триселя, фельдшерá и фельдшеры, флюгерá и флюгеры, цéхи, доп. цехá, шиберы и шиберá, шкиперы и шкиперá, шомполá и шомполы, штабеля и штабели, штурманы и штурманá, ястребá и ястребы.

Приведенный перечень колеблющихся форм не представляет собой однородного явления. Некоторые из форм стилистически нейтральны и обладают одинаковой степенью «литературности» (кители и кителя, лéкари и лекаря, полутóны и полутонá, прожéкторы и прожекторá, сéкторы и секторá, тракторы и тракторá и др.). Некоторые пары форм отличаются друг от друга, хотя допустимы оба варианта: один более употребителен, другой — менее¹⁸. Это выражается в отдельных случаях подачей форм в словарях (первой обычно называется более приемлемая и распространенная форма), в других случаях имеется помета «и доп.».

Учет сложившихся соотношений указанных форм необходим для работы над повышением культуры речи.

¹⁷ Д. Э. Розенталь, однако, отмечает, что «формы клоки — клóчья, лоскуты — лоскутыá различаются тем, что вторые слова обозначают более мелкие части». Указ. соч., стр. 45.

¹⁸ Вряд ли можно считать абсолютно нейтральными такие пары: гóды и годá, возы и возá, волокни и волокá, грифели и грифельá, штурманы и штурманá. Очевидно, что формы на -а больше тяготеют к разговорной речи.